

МЕТОДОЛОГИЯ

Н.С. РОЗОВ

Проблема свободы воли и условия адекватности ответов общества на вызовы

Как известно, “свободная воля” – абсолютно свободна только в метафизических книжках. Ограничения ее в когнитивном, волевом и практическом (поведенческом) аспектах – наиболее значимы.

Осознание и выбор альтернатив (*когнитивная сторона свободной воли*) – всегда ограничены наличными культурными кодами и проторенными мысленными ходами, за пределы которых удается выбраться немногим интеллектуальным героям. С *волевой стороны* свобода всегда достаточно жестко определяется социальной ситуацией и принимаемой либо навязанной социальной позицией, колесей интересов, заданных участием в прежних подобных ситуациях. Случаи поведения, резко противоречащего занимаемой позиции (был царем – стал нищим, был врачом – стал путешественником), всегда указывают на дополнительные биографические, социально-сетевые или иные причинные факторы. Наконец, *практическая сторона* “свободной воли” (возможность реализации решения) всегда жестко ограничена материальными и социальными рамками.

Замечу, что сказанное не отменяет самого феномена “свободной воли” и не означает признания полного детерминизма человеческих действий. Нередко при очевидности или постоянстве материальных факторов или культурного контекста от них как от ограничителей свободы выбора можно и нужно отвлечься. В филологических интра- и интертекстуальных исследованиях отвлекаются от материальных и социальных факторов, фокусируют внимание на культурных содержаниях и образцах (смыслах, семиотических структурах и проч.). Нет ничего страшного и преступного в том, что во многих экономических, политологических, социологических, антропологических исследованиях ученые отвлекаются от сферы интенционального, от психики индивидов и групп. Разумеется, в снятом виде она присутствует, но уже в понятиях и категориях другого рода, например как легитимность, уровень спроса, способность и склонность к вертикальной мобильности и т.п. Постоянно возобновляющиеся гуманитарные стенания о том, что “за структурами утеряли живого человека” выражают лишь удручающее непонимание значимости и функциональности научной абстракции.

Тезис рефлексивности убедительно и остроумно отразил Р. Коллинз. Суть его аргументации сводится к следующему. Когда люди узнают о законах и закономерностях,

Розов Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск).

управляющих значимым для них положением вещей (например, относительно наступления политического кризиса или социальной революции; условий, вынуждающих этнические группы прибегать к насилию или террору; характеристик военной организации, чреватых успехом или поражением в войне, и т.д.), они *никогда* не поступают “из вредности” в нарушение закономерности. Напротив, они пытаются избежать ущерба и достичь успеха, используя данное знание. Фактически “рефлексивное упрямство” имеет место только в умозрительных построениях противников номологического подхода [Коллинз, 1994]. В реальности же люди используют представления о человеческом поведении для достижения своих интересов, а сами эти интересы, получение людьми тех или иных представлений вполне могут стать предметом объяснения, в том числе и номологического.

Противоречит ли осмысленность человеческого поведения наличию в нем познаваемых закономерностей?

Рассмотрим популярный в гуманитарной среде аргумент, восходящий к В. Дильтею, Г. Риккерту и М. Веберу. Естественные процессы представляются “плоскими”, лишенными собственной смысловой глубины, поэтому открытыми для обнаружения управляющих ими закономерностей – для научного объяснения. Человеческое поведение имеет свою внутреннюю смысловую глубину, поэтому может быть постигнуто только через сопереживание, вчувствование и понимание (*Verstehen*).

Странно было бы отрицать осмысленность человеческих действий (по крайней мере, некоторых). Но почему, собственно, эта наделенность смыслами должна полностью исключать возможность объективного исследования, эмпирических обобщений, построения и проверки гипотез, выявления закономерностей осмысленного человеческого поведения? Такой тезис был вполне оправдан в онтологии разделенных и непроницаемых миров “вещей” и “смыслов”, построенной Риккертом [Риккерт, 1998]. Действительно, если смыслы появляются, живут и умирают в своем изолированном мире, то они становятся недоступными для внешнего наблюдения и исследования. Однако такая онтология, получив свое место в коллекции философских идей рядом с монадологией Г. Лейбница, концепцией ноуменов И. Канта, буддийским учением о вечных дхармах и проч., не получила дальнейшего развития и никак не помогала взлету филологических, социальных и исторических наук в XX в. Более того, основные достижения этих наук вполне уверенно свидетельствуют о том, что никакой изолированности “мира смыслов” не существует, все они включены в разнообразные культурные, социальные и материальные контексты и могут быть выделены из них только с помощью специальных абстрагирующих процедур.

Действительная трудность объективного научного исследования смысловой сферы во многом заключается в неразличении, как минимум, четырех сторон, обычно присутствующих в таком феномене, как смысл человеческого действия:

– *субъективное переживание*, то есть сгустки чувств, образов и мыслей самого индивида относительно его поведения в некоторой ситуации;

– *культурно-семиотический аспект* действия, всегда опирающийся на принятые в данном сообществе системы кодов, что позволяет как самому индивиду, так и окружающим распознавать принятое в данной (суб)культуре значение актов его поведения;

– *внутренние управляющие поведением структуры (установки, стереотипы)*, обычно тесно связанные с габитусом индивида (символами, мировоззренческими установками, идентичностями) и занимаемой позицией в сообществах и институтах;

– *социально-институциональный аспект* действия, соотносящий его с правилами, нормами, ожиданиями тех или иных сообществ, институтов, задействованных в ситуации, что утверждает, ослабляет или сохраняет позиции субъекта действия в социальных структурах.

Разумеется, узнать о субъективном переживании смысла своих поступков можно либо через прямое общение, либо через “вчувствование”, либо через их реконст-

рукцию на основе дневников, писем, внешних невербальных проявлений. Парадокс заключается в том, что знания об этих переживаниях не так уж важны и нужны для науки, скорее, это материал для искусства и литературы, например для исторических киноэпопей или романов. Для науки, для эмпирических обобщений и построения теорий гораздо более значимы последующие три аспекта: внутренние структуры, управляющие поведением, культурно-семиотические коды и социально-институциональный контекст. Следует сказать, что психология, семиотика, культурология и социология накопили в XX в. весьма солидный интеллектуальный потенциал для обращения с этими аспектами, причем совсем без апелляции к “вчувствованию” и *Verstehen*. Это позволяет смотреть на перспективы научного исследования соответствующих аспектов “смыслов человеческого поведения” с оптимизмом.

Следует отметить, что противостояние номотетики и идиографии не вечно и не фатально. Платон в “Государстве”, Аристотель в “Политике”, Ибн Халдун, Н. Макиавелли, Дж. Вико свободно использовали сочетания психологических и социально-структурных концепций для объяснения крупных политических трансформаций и закономерностей исторической динамики. То же относится к таким классикам социальной мысли, как Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, В. Зомбарт, М. Вебер, Н. Элиас. В настоящее время некоторые ученые умудряются сочетать анализ микро- и макровзаимозависимости между объективными социальными структурами разного масштаба и явлениями индивидуальной и групповой ментальности [Бурдые, 2001; Коллинз, 2002; Collins, 1999; Derlugian, 2005; Mennel, 2007].

Подходы к пониманию и объяснению свободы выбора

Несмотря на все вышесказанное, следует признать, что со времен И. Канта и А. Бергсона философия и наука не особенно продвинулись в познании природы, характера действия и проявлений свободной воли. Почти все усилия сосредоточены вокруг четырех познавательных подходов:

– *индивидуалистический рационализм* (всевозможные, идущие от экономики, версии расчета выгод и издержек, вероятностей разных альтернатив, максимизации полезности, теоретико-игровой подход). Здесь свобода выбора, казалось бы, предполагается, но на деле она детерминирована постулатами максимизации и навязанными способами расчета полезности;

– *объективистский детерминизм* (марксизм, миросистемный анализ, теория модернизации, транзитология, цивилизационный подход и этнокультурный детерминизм). Здесь свобода, на первый взгляд, выводится за скобки, но при ближайшем рассмотрении проявляется, причем сосредоточенность исследователей на экономических, политических, культурных детерминантах нередко оказывается весьма продуктивной;

– *идеалистические философские подходы* (как правило, перепевы И. Канта, И. Фихте, Г. Гегеля, С. Кьеркегора, А. Бергсона и комментарии к ним). Здесь, несмотря на огромную литературу, нет особого продвижения, помогающего в научном осмыслении роли свободы в исторической динамике;

– *иррациональные подходы* (агностические, экзистенциальные, мистические, религиозные). Как правило, их основной пафос направлен на отрицание структурно-детерминистического и расчетно-рационалистического подходов. Такие тексты могут обладать высокими литературными достоинствами (образцы: Л. Шестов, А. Камю), но не слишком помогают научному пониманию проблемы.

Принятый в этой статье подход я условно назову *социально-динамическим детерминизмом*. Детерминизм – поскольку научное понимание и объяснение исторической динамики с необходимостью предполагает раскрытие причин, факторов, механизмов, закономерностей. При этом социально-динамический детерминизм я отличаю от привычного жесткого, “механистичного” детерминизма по следующим признакам:

– *зависимость от позиции наблюдателя*. Решения и действия не бывают свободными или детерминированными “вообще”, но всегда относительно позиции, занимае-

мой наблюдателем. Для самого субъекта решения могут быть свободными, а для внешнего наблюдателя они детерминированы. **Методологический вывод:** не отрицая сам феномен свободной воли, следует искать закономерности принятия решений в разных обстоятельствах;

– *“мягкость детерминизма”, роль констелляций и случайностей.* Индивиды и группы, выполняя те или иные правила, преследуя свои интересы (наращивание, защиту ресурсов) и символы (ценности, принципы, идеалы, верования), действуют в конкретных ситуациях. Каждый выбор во многом зависит от внешней ситуации окружения и внутренней ситуации восприятия, в которых в разной степени участвуют и объективные познаваемые закономерности, и случайное сочетание обстоятельств. **Методологический вывод:** можно и нужно выявлять инвариантные паттерны принятия решений путем сравнений;

– *многоаспектность причин выбора.* Каждая альтернатива бывает связана с надеждами и угрозами в отношении различных аспектов: отношение к привычным стереотипам поведения, к заданным извне правилам, сохранение позиции и ниши в сообществе, соответствие принимаемым символам и идентичностям, обретение или потеря ресурсов разного рода и т.д. При этом решения, как правило, принимаются в ограниченное время и без полного (или вообще какого-либо) учета соответствующих данных. **Методологический вывод:** поскольку каждое конкретное решение обусловлено множеством причин разной природы, следует так упорядочивать сравниваемые случаи, чтобы раскрывались инварианты;

– *групповые и массовые эффекты.* Для раскрытия исторической динамики нет надобности объяснять выбор каждого участвующего индивида. Значимы, как правило, только сплоченные группы с большими ресурсами (властью, богатством, престижем, способностью мобилизовать новых участников). Индивидуальные лидеры (в том числе, монархи и президенты) – зачастую только символы-персонификации групп. Групповое поведение легче поддается объяснению, поскольку практически все значимые для исторической динамики группы (акторы) стремятся увеличить, дополнить, защитить свои ресурсы через коалиции, конфликты и состязания с другими группами. Массовое поведение разрозненных индивидов обычно делится на доли (сколько процентов ведут себя так-то и так-то), рост и сокращение этих долей во времени обычно закономерны, поскольку стохастичность индивидуальных выборов здесь сглаживается. **Методологический вывод:** анализ должен быть не “молекулярным”, а “молярным”, поведение групп более значимо для исторической динамики, но и более закономерно, чем поведение отдельных индивидов;

– *многослойность причин (от макро- к микро-).* Каждое решение принимается в ситуации микро- (“здесь и сейчас”), зависит от ее компонентов и их конфигурации (состав участников, выдвигаемые аргументы, характер информации, возникающие чувства и мысли и т.п.), однако внутренние основания и стимулы решения, сама ситуация – все это определено различными компонентами мезо- и макро- (то, что происходило и происходит “там и тогда”). **Методологический вывод:** следует принимать во внимание широкий спектр социальных масштабов как источников причин для решений;

– *вариативность значимости свободного выбора.* В разные исторические периоды распространенность и значимость свободного выбора существенно варьируются. При стабильности эти значения могут быть пренебрежимо малы, а при вызовах и кризисах – весьма велики. Есть периоды, когда практически все поведение подчинено рутинным правилам (“устойчивое равновесие”, “порядок”), есть другие периоды, когда общий тренд захватывает почти всех вне зависимости от выбора и действий (“воронка”), наконец, бывают периоды, особенно в высоко иерархизированных режимах, когда то или иное решение одного лица может приводить к существенно различным масштабным и долговременным следствиям (“неравновесие”, “бифуркация”). **Методологический вывод:** следует в первую очередь объяснять периоды действия закономерностей, а также закономерное появление ситуаций неравновесия и хаоса,

при анализе последних, вероятно, необходимо резко сужать масштаб анализа (вплоть до микро- и ультра-микро-).

Вопросам закономерности выбора альтернатив посвящена огромная литература, особенно продвинутой является теоретико-игровая парадигма. В данных концептуальных рамках удобна схема выбора как результата расчета относительных ресурсов, а также ожидаемых издержек от выигрыша и проигрыша. Например, в ситуации конфликта актер склонен выбирать стратегию подавления (бескомпромиссной борьбы на уничтожение), когда считает свои ресурсы намного превосходящими, а издержки при победе – малыми. Если же актер считает распределение ресурсов примерно равным или неопределенным, а издержки как при поражении, так и при победе неприемлемо высокими, то выбирает стратегию переговоров, компромиссов и сотрудничества [Гельман, 2007].

Вместе с тем, как убедительно показал Коллинз [Collins, 2004], люди крайне редко совершают такие сложные расчеты и обычно не имеют для них информации, а действуют интуитивно. Поддается ли интуиция эксплицированию через принципы? По крайней мере, три очевидных принципа интуитивного выбора можно сформулировать. К ним относятся:

– *принцип институциональных и поведенческих стереотипов, “привычки”*. В новых, трудных, неопределенных ситуациях люди, как правило, пытаются использовать свои привычные практики и ресурсный потенциал (торговец пытается заключить сделку, военный – пригрозить силой, проповедник – воздействовать убеждением, и т.п.);

– *принцип прежнего драматического опыта (“ловушка успешных стратегий”)*. Актер склонен выбирать ту же стратегию, что в прошлый раз принесла ему впечатляющий успех, либо противоположную той, которая оказалась неэффективной. При этом редко принимаются во внимание изменившиеся условия; “ловушка” же состоит в том, что в новых условиях стратегия, бывшая ранее успешной, нередко оказывается провальной;

– *принцип следования стратегиям лидеров и референтных групп*. Актер в условиях его вхождения в устойчивую коалицию, с лидерством и авторитетом другого актера, обычно следует по образцу или совету последнего; при успехе лидерство и коалиция укрепляются, а при драматическом провале – ставятся под вопрос.

Согласно модели исторической динамики [Розов, 2007], *адекватный ответ* на вызов надолго снижает или вовсе устраняет дискомфорт влиятельных групп, связанный с этим вызовом. Общие черты адекватных ответов вряд ли можно выявить, поскольку адекватность всегда имеет место относительно специфики вызова, а разнообразие вызовов для социальной стабильности необязательно. Вместе с тем резонно предположить, что вероятность появления адекватного ответа прямо зависит от степени выраженности следующих параметров ситуации:

– во-первых, от *обширности доступного “репертуара” возможных ответов*. Она определяется разнообразием известного своего и чужого исторического опыта, широтой спектра доступных культурных традиций, круга обсуждаемых решений. Последнее, в свою очередь, обеспечивается коллегиальностью, уровнем развития экспертных центров и служб, эффективностью коммуникации между ними и центрами принятия решений;

– во-вторых – от *гибкости в апробировании, модификации, комбинировании разных ответов*. Иными словами, она зависит от эффективности нахождения пути через пробы и ошибки при беспрестанном обновлении характера попыток;

– в-третьих, от *социального разнообразия и комплектности*. Наличие таких установок и интересов, символов и поведенческих стереотипов потенциальных участников, таких ресурсов и иных элементов материальной среды, которые, будучи включены в социальные формы ответа, обеспечивают групповую солидарность и эффективность деятельности;

– в-четвертых, от *благоприятных (или, как минимум, щадящих) обстоятельств конфликтной среды на начальном этапе формирования ответа* (пока ответ не “набрал силу”, его не должны поглотить другие лидирующие центры с другими ответами).

Соответственно, *неадекватные, ведущие к конфликтам и кризисам, ответы* чаще даются при обратных условиях: узость репертуара альтернатив (что связано с единоличным принятием решений), отсутствие гибкости в апробации, социальное однообразие, конфликтная среда, в которой успешные ответы одной групп не поддерживаются, а гасятся другими группами.

Компенсаторные и нейтрализующие ответы не устраняют причины вызовов, а лишь на какое-то время снижают, смягчают, блокируют их неблагоприятные эффекты. Так, ответом на вызов эпидемии бывает лишь изоляция заболевших, сжигание тел умерших и их имущества, ответом на рост преступности – укрепление дверей и замков, ответом на снижение налоговых поступлений – устроение налоговой политики, ответом на социальные протесты – избиение и аресты их лидеров, и т.д.

Корневая причина такого рода ответов – нежелание и/или неспособность правящих элит, влиятельных групп распознавать причины вызовов и устранять именно их, а не следствия. Эта неспособность, в свою очередь, определяется *когнитивными причинами* – недостаточностью уровня познания, малым опытом, отсутствием фиксации и учета прежнего опыта столкновений с подобными вызовами, *социально-мотивационными причинами*, – когда осознание и признание причин прямо противоречит главным символам и идентичностям самолегитимации правящих элит и влиятельных групп.

Нейтрализующие ответы устраняют (тормозят, блокируют) сами причины вызовов. Так, ответом на вызов эпидемии становится выявление источника заболевания, изобретение лекарств, введение санитарных норм, ответом на рост преступности – социальная работа со средой – источником и рассадником криминального поведения (населением трущоб, безработными, неполными семьями и т.д.), ответом на снижение налоговых поступлений – разъяснительная и мотивирующая работа с бизнес-сообществом, снижение завышенных ставок, организация общественного контроля за бюджетными тратами и т.п., ответом на социальные протесты – переговоры с их лидерами, общественные дискуссии, принятие взаимоприемлемых решений.

Ясно, что здесь необходимы как достаточно высокий уровень познавательных способностей, учета прежнего опыта, так и определенное социальное мужество, политическая воля, последовательная систематическая деятельность, готовность поступиться частью прежних выгод и привилегий ради эффективного преодоления вызова.

Перспективные ответы не только нейтрализуют вызов, но также запускают процессы создания новых институтов и сообществ, включают в совместную деятельность новые группы населения, приводят к общему энтузиазму и подъему, снижению конфликтности (социальному резонансу), а при определенных условиях – к комплексу динамических стратегий и мегатенденции “лифт” [Snooks, 1996; Розов, 2002; 2006].

Перспективным ответом на вызов эпидемии становится строительство новых медицинских научных центров по выявлению источников не только данной, но любых других эпидемий, разработка национальных программ борьбы с будущими эпидемиями, ответом на рост преступности – создание научных центров по криминологии, реформы в правоохранительных органах и системах наказаний, реформы законодательства, масштабные программы профилактики преступности; ответом на снижение налоговых поступлений – налаживание системы экономико-социологических исследований налогового поведения, создание постоянно действующих институтов коммуникации с представителями бизнеса, научно обоснованные реформы системы налогообложения и т.д.; ответом на социальные протесты – разработка социальной политики на разных уровнях, включающей систему регулярных социологических опросов, систему мер по предупреждению и снижению социальной напряженности и недовольства, реформирование институтов учета общественного мнения, общественного контроля и т.п. Иначе говоря, главный признак перспективных ответов – *институциональные реформы*, предполагающие новые типы практик и стратегий, которые открывают широкие возможности для приложения усилий новых участников, вознаграждаемых притоком ресурсов: материальных, экономических, организационных, символических.

Таким образом, наряду с сохраняющимися требованиями к нейтрализующим ответам (способность к выявлению причин вызова, политическая воля и организация деятельности по их устранению) добавляются новые условия:

- широкий взгляд правящей элиты на проблему, готовность не только действовать по устранению ее причин, но и провести существенные структурные изменения для защиты от подобных неприятностей в будущем;

- наличие доступных образцов новых институтов и практик, достаточного числа подготовленных чиновников и специалистов для развертывания новых структур;

- наличие достаточного контингента с подготовкой и мотивацией для занятия мест в новых структурах и эффективной деятельности;

- первоначальные успехи в решении исходной проблемы (преодолении вызова) и приток ресурсов для вознаграждения и расширения эффективных структур.

Дальнейшее развитие перспективного ответа в комплекс динамических стратегий зависит, главным образом, от ресурсного потенциала и способности элит отвечать на неизбежные новые вызовы новыми направлениями деятельности и эффективными преобразованиями. Следующий шаг – складывание мегатенденции “лифт” на основе комплекса динамических стратегий – возможен только при особой конфигурации самих динамических стратегий, а также поддерживающих их социальных структур и ресурсных потоков. Главное требование состоит в том, чтобы значительная часть участников стратегий на низших уровнях стабильно получала ресурсную отдачу от своих творческих и профессиональных усилий.

Как правило, в истории комплексы динамических стратегий и мегатенденции “лифт” складываются самопроизвольно, их никто не планирует и не проектирует. Однако данный факт отнюдь не запрещает учитывать при разработке ответа на вызов все вышеуказанные требования.

Выбор ответа на вызов и сохранение культурной специфики

При исторической динамике, в том числе весьма драматичной и размахистой – от глубоких кризисов и распадов до расцветов и триумфов, – общества, как правило, сохраняют многие свои особенности. В случае России это касается возобновления социально-политических циклов и возвратов к системе “русской власти” [Пивоваров, Фурсов, 1999; Дубовцев, Розов, 2007]. Каковы же главные механизмы культурной и национальной преемственности при смене фаз исторической динамики, почему иногда происходят существенные сдвиги и трансформации, как это связано с характером выбора ответов на вызовы?

В каждом обществе *фазы стабильности* очень напоминают друг друга, и для этого есть глубокие системные основания. Во-первых, сама стабильность становится возможной только при появлении социально-ментального равновесия – достижения соответствия между габитусами людей и занимаемыми ими позициями в сообществах и институтах. Культурная основа габитусов – транслируемые из поколения в поколение ядерные образцы, как когнитивные (фреймы-архетипы), так и ценностные (символы-архетипы) [Розов, 1992, гл. 2]. В разных цивилизациях, национальных культурах и субкультурах такими архетипами могут быть родство-род-клан, соседство-сословие, сонм местных святых и братство единоверцев, права-собственность-законность, власть-принуждение-порядок и т.д. Пока эти образцы сохраняются, новые социальные институты будут приняты населением и устойчивы только тогда, когда институциональные символы, правила, ожидания, практики будут отвечать данным архетипам – глубинным фреймам и символам.

Во-вторых, при стабилизации лидеры всегда в той или иной мере используют лозунг “возвращения к истокам”, под эгидой чего в массовом порядке восстанавливаются недавние или полузабытые социальные институты. В-третьих, уже в течение самой фазы благополучия и стабильности как успешные наследники прежних элит, так и всевозможные новые люди, прорвавшиеся в высшие слои, обычно пытаются симво-

лично закрепить и узаконить свое положение через неотрадиционализм, демонстрацию причастности к культурному и историческому прошлому (восстановление храмов и замков, волны ретро, мода на исторические романы, восстановление генеалогии и т.п.). При этом приверженность прежним формам нередко ведет за собой и возврат части содержания социальных практик и институтов.

Факторы исторической динамики, нарушающие стабильность, каждый раз меняются, но можно смело предположить, что во внутренних факторах есть определенные инварианты возмущений, связанные именно с постоянными компонентами социальных институтов и глубинных архетипов. В религиозно ориентированных обществах следует ожидать появления новых духовных лидеров, церковных расколов и сект. В обществах с особым пиететом перед законом и судом вероятно гипертрофия сложного законотворчества, размножение юридических фирм с последующим перепроизводством юристов. В обществах с центрацией на государственном управлении и контроле (например, в России) будет расти число ведомств, инструкций, форм отчетности и чиновников.

При *вызовах и кризисах* ответы также оказываются во многом культурно заданными. Самые ходовые принципы выбора ответа на вызов элитами – интенсификация привычной практики либо воспроизводство яркой успешной стратегии из известного исторического опыта. Даже при явном отступлении от стереотипов, новые стратегии оказываются не так уж и новы. На поверхности они предстают как продукт подражания заморским образцам, результат рекомендаций приезжих советников или даже научных изысканий национальной академии наук. Однако в практическом воплощении любые идеи выполняются лишь в той мере, в которой понимаются и принимаются, а это вновь зависит напрямую от имеющихся у исполнителей габитусов: фреймов, символов, идентичностей и поведенческих стереотипов.

Конфликты, особенно острые, с применением насилия, – это всегда сильный массовый стресс, а при стрессе люди обычно следуют наиболее примитивным глубинным стереотипам. *Социальный резонанс* и *запуск комплекса динамических стратегий* возможны только тогда, когда новые институты и практики в какой-то мере отвечают все тем же глубинным стереотипам влиятельных групп и элит: фреймам и символам как основаниям мировоззрения. Наконец, тот же принцип действует и для *мегатенденции “лифт”*: только теперь новые вознаграждаемые творческие стратегии и практики должны отвечать глубинным стереотипам уже больших масс населения.

Если абсолютизировать приведенную аргументацию, то с идеей существенных сдвигов и трансформаций придется расстаться: общества со всей своей исторической динамикой малых и больших циклов вечно обречены кружиться в одной и той же колее, лишь углубляя ее и делая все более невероятной возможность вырваться. Так ли это?

Условия преодоления исторической инерции

Известны случаи существенных необратимых сдвигов в типе социально-политического устройства и даже национальном мировоззрении и менталитете. Лидеры военной революции Голландия и Швеция – весьма агрессивные до конца XVII – начала XVIII в., затем превращаются в весьма миролюбивые общества. На протяжении XX в. изоляционистская Япония – главный азиатский агрессор становится одной из ведущих и вполне мирных постиндустриальных держав. Распространявшая ислам силой оружия Османская империя преобразуется в самое светское общество мусульманского мира, а православная дворянская Россия превращается в атеистическое общество-государство с официальной пролетарской идеологией. Американское общество, бывшее еще в XIX в. весьма пуританским, оказывается одним из центров сексуальной революции, распространения субкультуры нетрадиционных ориентаций, массовой порнографической индустрии (начиная с “Плейбоя” и “Пентхауза”).

Итак, значимые исторические сдвиги все же происходят. При каких условиях? Проведем вначале различия между продуктивными и деструктивными изменениями.

Продуктивная трансформация общества и культуры приводит к более длительным фазам стабильности, большей адекватности ответов на вызовы, блокированию или снижению остроты конфликтов и кризисов, большей вероятности перспективных ответов, динамических стратегий и складывания мегатенденции “лифт”.

Деструктивная трансформация (деформация) общества и культуры порождает менее длительные фазы стабильности, меньшую адекватность ответов на вызовы, эскалацию конфликтов и кризисов, большую вероятность мегатенденции “колодец” и государственного распада, блокирование перспективных ответов и динамических стратегий.

Ясно, что конкретно-исторические ситуации, вызовы, типы ответов, конфликты, кризисы, стратегии были существенно различны. Сочетания факторов, ведущие к продуктивной или деструктивной трансформации, должны быть выявлены путем сравнений с помощью соединенного метода сходства и различия по Бэкону-Миллю (о применении этих методов к выявлению закономерностей в истории см. [Розов, 2009, часть 5]). Здесь пока ограничусь теоретическим рассуждением, которое должно вывести на системную гипотезу.

Долгие периоды роста, благоденствия и стабильности свидетельствуют об *устойчивом социально-ментальном равновесии* – достигнутом соответствии между институциональными позициями, предлагаемым режимом, и габитусами людей, по крайней мере, представителей влиятельных групп. Способность давать адекватные и перспективные ответы говорит о гибкости элит, широте репертуара альтернатив, высоком уровне общенациональной социальной и культурной солидарности. Такая редкость, как мирный и быстротечный характер конфликтов и кризисов, свидетельствует о доминировании стратегий переговоров, торга, обмена и сотрудничества над стратегиями подавления и принуждения.

Соединив эти черты в единый образ, получаем: *гибкие элиты с широким репертуаром стратегий переговоров и сотрудничества мобилизуют широкие массы на основе социальной и культурной солидарности, предлагают и строят такие режимы и институты, участие в которых соответствует габитусам и глубинным архетипам, если не всего населения, то влиятельных групп*. Отсутствие или краткость периодов стабильности свидетельствует о *хроническом социально-ментальном неравновесии* – глубоком расхождении между институциональными позициями, предлагаемым режимом, и габитусами людей, по крайней мере, представителей влиятельных групп. Неспособность давать адекватные и перспективные ответы говорит о ригидности элит, узости репертуара альтернатив, глубоких социальных и культурных расколах. Частота и острота конфликтов и кризисов свидетельствуют о доминировании стратегий подавления и принуждения над стратегиями переговоров, торга, обмена и сотрудничества.

Эти черты сливаются в другой образ: *ригидные элиты с узким набором стратегий подавления и принуждения либо конфликтуют друг с другом, проваливают страну в глубокий конфликт и кризис, либо навязывают режим и институты, оказывающиеся неприемлемыми для габитусов и глубинных архетипов влиятельных групп*.

Допустим, некоторое диахронное общество (а нас, главным образом, интересует Московия–Российская империя–СССР–Российская Федерация) испытало деструктивную трансформацию и движется в колее циклической динамики. Допустим также, что приведенные выше концептуальные модели, рассуждения и гипотезы верны (что, разумеется, неочевидно и требует эмпирических обоснований). Тогда получаем следующий теоретический вердикт – системные требования, позволяющие вырваться из колеи исторических циклов:

- резкое повышение гибкости элит, расширение альтернатив ответов на вызовы;
- уход от вертикальных стратегий подавления и принуждения к горизонтальным стратегиям переговоров и сотрудничества;
- преодоление социальных и культурных расколов, развитие общенациональной солидарности, но не через попытки навязывания друг другу чуждых идей и образцов, а через примирение с разнообразием;

– реформирование режимов и институтов не принуждением “сверху”, а посредством переговоров, чтобы институциональные позиции, правила, ожидания, символы и ресурсы отвечали габитусам и глубинным архетипам участников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурдые П.* Практический смысл. М., 2001.
- Гельман В. Я.* Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе // Полис. 2007. № 2.
- Дубовцев В.А., Розов Н.С.* Природа “русской власти”: от метафор – к концепции // Полис. 2007. № 3.
- Коллинз Р.* Социология: наука или антинаука? // THESIS. 1994. № 4.
- Коллинз Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* Русская Власть и Реформы // Pro et Contra. Т. 4. 1999. № 4.
- Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре (Избранное). М., 1998.
- Розов Н.С.* Закон Ибн Халдуна. К чему может привести рост коррупции и силового принуждения в России // Политический класс. 2006. № 3.
- Розов Н.С.* Историческая макросоциология: методология и методы. Новосибирск, 2009.
- Розов Н.С.* Россия в XXI веке: “исторический недуг” и шанс на мегатенденцию “лифт” // Бюллетень научной программы “Особенности российской культуры и менталитета как фактор социально-экономического развития страны”. 2007. № 2.
- Розов Н.С.* Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск, 1992.
- Розов Н.С.* Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М., 2002.
- Derluigian G.* Bourdieu’s Secret Admirer at the Caucasus. Chicago, 2005.
- Collins R.* Interaction Ritual Chains. Princeton–Oxford, 2004.
- Collins R.* Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run. Stanford, 1999.
- Mennell S.* The American Civilizing Process. Wiley, 2007.
- Snooks G.* The Dynamic Society: Exploring the Sources of Global Change. London–New York, 1996.

© Н. Розов, 2010